

Зарождение и эволюция ракетно-ядерного сдерживания между США и КНР

© 2017

Л.С. Крашенинникова

Рассмотрены процесс встраивания КНР в систему ядерного сдерживания и особенности использования ею статуса державы — обладателя ядерного оружия в контексте трансформации отношений Пекина и Вашингтона. Автор приходит к выводу о том, что расхождение в подходах к «ядерной прозрачности» и признанию взаимной уязвимости приближает качественно новый виток асимметричной гонки вооружений в АТР.

Ключевые слова: США, КНР, ядерное оружие, ядерное сдерживание, стратегическая стабильность, третья «стратегия компенсации», противоракетная оборона.

Китай вступил в ядерный клуб с большим опозданием по сравнению с США и СССР, поэтому по технологическому уровню разработок и количеству ядерного оружия (ЯО) он серьезно отставал. В настоящее время Пекин демонстрирует способность к сокращению отставания и переходу к относительно сбалансированной с США системе стратегической стабильности (СС) без количественного паритета¹. При низкой вероятности конфликта с применением ЯО совершенствование китайского арсенала меняет баланс сил и не может игнорироваться Соединенными Штатами. Примечательна идея главы Тихоокеанского командования вооруженных сил США Г. Гаррисона о пересмотре договора РСМД с учетом ядерных и конвенциональных ракет КНР², озвученная весной 2017 г.

Ядерное сдерживание между США и КНР формировалось на протяжении трех этапов: первого (1964–1981), второго (1981–2007) и современного.

С 1945 по 1964 г. США провели около 400 ядерных испытаний, располагая к 1964 г. почти 30 тыс. ядерных боезарядов (БЗ)³. На том этапе в Азии, в отличие от европейского ТВД, превосходство американской стороны определялось не гонкой ядерных вооружений, а самим фактом их наличия у США, хотя до 1960 г. американские сценарии применения ЯО против КНР в целом рассматривались как маловероятные. Возможность применения ядерного оружия обсуждалась в ходе Корейской войны (1950–1953), во время Тайваньских кризисов (1954–1955 гг., 1958 г.), но сдерживалась советским фактором⁴. Американское руководство рассматривало нанесение ядерного удара по силам КНР при пересечении НОАК линии прекращения огня на Корейском полуострове в случае невозможности удержания китайского наступления в Корее неядерными силами⁵. Тактическое ядерное оружие (ТЯО) США находилось в 1958–1991 гг. в Южной Корее, в 1960–1974 гг. — на Тайване, в 1954–1972 гг. — в Японии.

Крашенинникова Любовь Сергеевна, аспирант Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: liubovkrasheninnikova@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 15–37–11136.

Детализация сценариев началась в конце президентства Д. Эйзенхауэра с разработки комплекта документов по ядерному планированию — Единого интегрированного оперативного плана (Single Integrated Operational Plan, SIOP), что совпало с приближающимся вступлением КНР в ядерный клуб и последующим введением доктрины «гибкого реагирования». Первые проработанные варианты были связаны со сценарием войны между США и СССР⁶. План SIOP-62 включал 78 объектов городской и промышленной инфраструктуры, из которых 49 были приоритетными⁷.

Мао Цзэдун называл атомную бомбу «бумажным тигром»⁸, однако решение о создании китайского ЯО было принято уже в ходе первого Тайваньского кризиса⁹. Тогда же начались работы по созданию баллистических ракет на базе Р-2 и Р-5, предоставленных СССР до углубления советско-китайского раскола. В 1964 г. Китай произвел первое ядерное испытание. Успешный запуск первой одноступенчатой баллистической ракеты средней дальности (БРСД) «Дунфэн-2» (с дальностью стрельбы до 1200 км) был проведен в ноябре 1965 г., а в 1966 г. ее испытали с ядерной боеголовкой.

В ходе **первого этапа** (1964–1981) КНР получила возможность влиять на расширенное ядерное сдерживание со стороны США в АТР. Значение Китая в ядерном планировании США возросло, но состояние непосредственного взаимного сдерживания достигнуто не было. Преимущество США давало возможность сдерживать неядерные силы КНР и угрожать нанесением «обезглавливающего» и ограниченного удара, хотя «советский фактор» при планировании столкновения с КНР не исключался. Несмотря на несоответствие ЯО КНР требованиям «надежного устрашения», возможность угрожать региональным союзникам и базам США укрепили образ Китая как регионального противника Америки.

В 1960-е годы начались частичные ограничения на развитие ЯО в США, но это не оказало реального влияния на стратегическое соотношение американских и китайских сил. В 1963 г. Московский договор, подписанный США, запретил ядерные испытания в атмосфере, космическом пространстве и под водой. КНР не подписала данный договор, хотя с 1980-х годов проводила только подземные испытания, прекратив их в 1996 г. Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. впервые закрепил стремление к разоружению (КНР не участвовала в ДНЯО до 1992 г.). С 1970-х годов появились договорные ограничения арсенала США. В 1972–1974 гг. были подписаны Договор ОСВ-1, Договор по ПРО и Протокол к нему. В течение указанного этапа количественные показатели арсенала США достигли своего максимума в 31 255 БЗ (1967 г.) и были сокращены до 22–23 тыс.¹⁰

К 1982 г. на вооружении США было: 1052 межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) «Минитмэн II/III» (2152 ядерных БЗ¹¹); некоторое количество МБР «Титан-II»; 32 атомные подводные лодки, оснащенные баллистическими ракетами (ПЛАРБ), несущие 520 ракет. В начале этапа основными средствами, нацеленными на Китай, были бомбардировщики В-47, В-52 (более 7 тыс. БЗ), хотя Тихоокеанское командование ВС США настаивало на комбинированном использовании в сдерживании КНР размещенных в регионе БРСД и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ)¹². От нацеливания шахтными МБР отказались из-за пересечения траектории с территорией СССР. В 1970-х годах баланс сместился в сторону ПЛАРБ. С конца 1960-х годов США развивали системы ПРО («Сэйфгард», затем «Сэнтинэл»), установив после подписания Договора и Протокола по ПРО (1972–1974 гг.) систему «Пэйв пос» (1981 г.)

По рассекреченным данным, к 1964 г. в Азии было развернуто около 2400 ед. американского ЯО¹³. Нормализация в 1972 г. американо-китайских отношений не изменила направления стратегического планирования США. По документам СНБ, сворачивание ТЯО на Тайване в 1970-х годах проходило на фоне масштабной «компенсации» из 1700 тактических БЗ в АТР¹⁴, чему также способствовало стремление разубедить прави-

тельство РК в создании собственного ЯО. По состоянию на 1970 г. арсенал ЯО, направленный против КНР, состоял из 600 БЗ, треть из которых приходилась на ТЯО¹⁵.

К 1964 г. в состав сил регионального сдерживания входили ПЛАРБ, несущие БРПЛ «Поларис-А3» с разделяющейся головной частью рассеивающего типа¹⁶ (от 4 тыс. км). К 1969 г. количество ПЛАРБ с ЯО в Тихом океане достигло 8, к 1975 г. — 18. В 1970-е годы БРПЛ «Поларис» были заменены на «Трайидент-1» (ПЛАРБ «Посейдон», «Лафайет») и началось патрулирование ПЛАРБ «Огайо», несущих по 24 ракеты «Трайидент-1».

По рекомендациям Комитета начальников штабов и Пентагона, SIOР-1969 включил варианты боевых заданий по уничтожению целей в СССР и КНР трех типов: уничтожение средств доставки стратегического ЯО и центров управления вне городов (Alpha), удары по ВС и другой военной инфраструктуре вне города (Bravo), и уничтожение указанных объектов, расположенных в городах, а также от 70% городской промышленности (Charlie)¹⁷.

К 1972 г. в США была реализована концепция отдельного учета сил, предназначенных на случай ядерного конфликта с СССР и конфликта с КНР. До принятия доктрины Шлезингера победа в ядерной войне рассматривалась как уничтожение военного потенциала противника. Подход администрации Р. Никсона (1969–1974 гг.) предполагал ее окончание на более ранней стадии — посредством управления эскалацией и с увеличением вариантов ограниченных ударов¹⁸, для чего был расширен спектр ограниченных целей (Nuclear Weapons Employment Policy, NUWEP-1974). Цели в КНР (в случае полномасштабной атаки — совместно с «азиатскими союзниками КНР») занимали 2-е место после СССР/ОВД. Рассматривалось 4 сценария: **полномасштабный** — удар по всем военным целям и ресурсам послевоенного восстановления; **избирательный** — удар по ЯО и всем сопутствующим элементам его производства и управления, а также по другим объектам, несущим военную угрозу; **ограниченный** — удар по менее значимым целям в ответ на ограниченное применение ЯО; **региональный** — цели локального значения¹⁹.

Отдельную роль в присутствии США в регионе играл фактор КНДР. После инцидента в демилитаризованной зоне 1976 г. США усилили патрулирование ПЛАРБ вблизи Корейского полуострова.

Детализация ограниченных целей продолжилась при Дж. Картере. В соответствии с директивой PD-59 (1980 г.)²⁰ и Обзором политики ядерного нацеливания²¹, гибкость целеполагания была обозначена как абсолютный приоритет. Если ранее нацеливание ориентировалось на экономические и инфраструктурные объекты послевоенного восстановления, то теперь рассматривались такие варианты, как решение оперативных задач с применением ЯО (например, удары по перемещающимся группам ВС).

В свою очередь, в течение 1964–1981 гг. КНР смогла создать ограниченные ядерные силы, способные поражать цели в восточной (а затем и европейской) части СССР (основное нацеливание) и союзников США в Азии, угрожать базе Гуам, а с 1981 г. (формально) — континентальной части США. Были испытаны первая двухступенчатая МБР «Дунфэн-4» (ноябрь 1969 г.²², с дальностью 4–7 тыс. км в зависимости от модификации) и трехступенчатая МБР «Дунфэн-5» (в 1976 г., от 9 тыс. км). К 1980 г. на вооружении Второй артиллерии находились 4 «Дунфэн-4», до 85 одноступенчатых БРСД «Дунфэн-3» и около 50 «Дунфэн-2»²³. Бомбардировщики «Хун-6» могли использоваться для доставки ТЯО. В конце 1970-х годов началось строительство первого подводного атомного ракетносца 092 «Ся», с начала 1970-х годов — создание баллистической ракеты подводных лодок «Цзюйлан-1», хотя возможность их применения допускалась лишь теоретически²⁴. Произошла наработка значительной части ядерных БЗ КНР. К 1982 г. их количество составляло более 200 ед.²⁵ С 1964 по 1982 г. КНР провела 27–28 ядерных испытаний. КНР также вела работы по созданию противоракетной обороны (проект «640»). К 1981 г. бы-

ли созданы такие элементы системы, как комплекс с радиоэлектронным радаром с фазированной решеткой, однако проект был закрыт.

На **втором этапе** (1981–2007) КНР стала располагать возможностью подвергать ограниченной угрозе континентальную часть США. В целом в США китайская ядерная угроза в качестве серьезной не рассматривалась, но к концу этапа в ядерном планировании США ей стали уделять большее внимание. В 1980-е годы улучшилась система нацеливания с ПЛАРБ («Поларис» были окончательно заменены на «Трайидент» (ПЛАРБ «Огайо»), что увеличило количество боевых блоков, точность и дальность БРПЛ²⁶. В 2000-е годы началась замена «Трайидент-1» на модернизированную «Трайидент-2»²⁷, а четыре подводные лодки были переоснащены неядерными крылатыми ракетами «Томагавк BGM 109». На количественное превосходство США, достаточное для многократного нанесения разоружающего удара, не повлияли сокращения по Договору СНВ-1 (до 6–7 тыс. к середине 1990-х годов), а при исполнении условий СНВ-1 для США приоритетом стало сохранение потенциала ответного удара. Новые модификации межконтинентальных ракет стали оснащаться тремя или одним боезарядом: после списания МБР «Минитмен-2» к середине 2000-х годов на вооружении остались «Минитмен-3», несущие до трех боезарядов, либо моноблочные — слишком «дорогие» цели для разоружающей атаки. После вывода в 1990-е годы из ядерной триады самолета В-1В парк бомбардировщиков составили В-52Н, оснащенные ядерными КР AGM-86В и 129А (снята с вооружения в 2007 г.), и В-2А, несущие бомбы свободного падения В61 и В83.

С 1980-х годов во взглядах военно-политических кругов США на ядерные силы КНР параллельно наметились **две тенденции**. С одной стороны, ядерной угрозы не ощущалось: при Р. Рейгане КНР рассматривалась как противовес СССР, при Дж. Буше-ст., Б. Клинтоне и в течение первого срока Дж. Буша-мл. — как сила, не способная противостоять потенциалу США. При Рейгане варианты ядерной атаки против КНР передавались так называемым **Сохраненным резервным силам** (Secure Reserve Force), созданным в соответствии с Директивой PD-59 Дж. Картера. В сохраненные резервные силы входили нестратегические носители и БРПЛ и бомбардировщики, не участвовавшие в основном планировании. Администрация Дж. Буша-ст. не сочла нужным сохранение ЯО на территории базы Кунсан после распада СССР. В 2000 г. в докладе Пентагона Конгрессу ядерные силы КНР оценивались как весьма скромные²⁸. С другой стороны, с распадом СССР был утрачен элемент базы американо-китайского сближения. Вкупе с этим развитие ракетного арсенала КНР привело к появлению уже в 1992–1994 гг. американских исследований, констатирующих неизбежность превращения КНР в ядерную угрозу для союзников и континентальной части США, в противника США в сфере ядерных вооружений²⁹ и пр. На этом фоне в 1990-е годы Стратегическое командование вооруженных сил США лоббировало возвращение КНР в основное планирование SIOP (доклад Sun City Extended / расширенная версия доклада «Сан-Сити») ³⁰. После Тайваньского кризиса (1995–1996 гг.) Б. Клинтон подписал директиву PDD-60³¹, которая, по данным Х. Кристенсена, могла предусматривать расширение спектра целей для ядерных ударов по КНР и создала предпосылки для их переноса в SIOP³².

Возвращение КНР в SIOP, предположительно, произошло только в 1998 г. В том же году США и КНР объявили о взаимном ядерном ненацеливании, но можно предположить, что декларация Б. Клинтона и Цзян Цзэминя не изменила сути стратегического планирования стран. Не последовало механизмов проверки, которые по сути подорвали бы «экзистенциальное» сдерживание КНР. В соответствии с комментарием бывшего офицера управления пусками МБР «Минитмен» Б. Блера, в случае решения о нанесении удара, фактор времени введения координат цели не являлся значительным уже в 1998 г.³³ (можно предположить схожесть ситуации с БРПЛ). К 1990-м годам США располагали инфраструктурой слежения и нацеливания на мобильные МБР, созданной для советских ракет в 1980-е годы. План SIOP-6D (1987 г.) предполагал «тактику нанесения удара

на стратегические мобильные цели»³⁴. Двойное отношение к ядерному сдерживанию (ЯС) КНР сохранилось и в 2000-е годы. В Обзоре ядерной политики США (2001 г.) вероятность ядерного конфликта с КНР (из-за Тайваня) упоминалась как более высокая, чем с РФ³⁵. После принятия в КНР в 2005 г. «Закона о противодействии расколу государства», по которому КНР оставляла за собой право применить силу в отношении Тайваня, в мае 2006 г. Министерство обороны США приняло новый оперативный план Тихоокеанского командования ВС США по защите острова (№ 5077-04³⁶), который не исключал возможность применения американского ЯО как крайней меры.

На данном этапе исследователи из корпорации РЭНД оценивали максимальную вероятность успешного разоружающего удара США по Китаю лишь в 80%. Уже на данном этапе учитывался фактор ПЛАРБ, которые «могли находиться на патрулировании часть времени». Кроме того, уже в это время нельзя было говорить о полной уверенности в уничтожении и всех шахтных МБР, которые могли быть укрыты в системе горных туннелей.

Важные изменения, произошедшие в арсенале КНР в 1982–2007 гг., были связаны во многом с испытанием модификации «Дунфэн-5А» (13 тыс. км) и принятием на дежурство мобильных МБР «Дунфэн-31/31А». Был запущен ряд долгосрочных проектов (с 1986 г. проект мобильной МБР с разделяющейся головной частью (РГЧ ИН) «Дунфэн-41»). Количество МБР «Дунфэн-5» увеличилось до 20 к концу 1990-х годов. Была сделана попытка развертывания морского крыла триады — установка на ПЛАРБ проекта 092 «Ся» БРПЛ «Цзюйлан-1». КНР многократно усилила свой ядерный арсенал для поражения целей, находящихся в пределах региона, введя на вооружение с начала 1990-х годов БРСД «Дунфэн-21/21А» (дальность до 1800 км.), с 2006 г. — «Дунфэн-21С» с увеличенной точностью (СЕР 50–10 м, с возможностью установки ядерной головной части). Кроме того, в 2006 г. поступили на вооружение ракеты малой дальности «Дунхай-10», но данные о возможности их применения в ядерном оснащении отсутствуют³⁷. В 2011 г. появилась модификация бомбардировщика «Хун-6К». Вместе с тем количество ядерных БЗ практически не изменилось (с 216 до 235 ед.)³⁸. В 1996 г. КНР объявила мораторий на ядерные испытания, проведя в целом 47 испытаний ЯО.

По состоянию на 2007 г. количество китайских межконтинентальных баллистических ракет оценивалось Пентагоном в 50–60 ед. (20 МБР ограниченной дальности «Дунфэн-4», 20 МБР «Дунфэн-5», до 20 МБР «Дунфэн-31/31А») ³⁹. КНР также располагала до 50 БРСД «Дунфэн-21» и до 18 «Дунфэн-3». Кроме того, в Пентагоне сделали вывод о преодолении важного рубежа на пути к созданию китайской системы противоракетной обороны после испытания кинетического перехватчика «Дуннэн-1» на основе БРСД «Дунфэн-21» в 2007 г. С развитием группировок МБР «Дунфэн-5А» и, в особенности, «Дунфэн-31/31А» Китай получил возможность осуществлять минимальное сдерживание в отношении континентальной части США без возможности «обезоружить» США первым ударом. В соответствии с исследованием РЭНД, к концу данного этапа КНР даже в теории была способна уничтожить только 50% американского арсенала — и то в случае его минимальной готовности, например, если бы все ПЛАРБ находились в портах. Причем, несмотря на удвоение числа китайских межконтинентальных ракет и американские сокращения по СНВ-1, живучесть и боевая устойчивость арсенала США увеличилась после переноса баланса в сторону БРПЛ с разделяющейся головной частью⁴⁰. Учитывая реальное соотношение факторов, вероятностные показатели могли бы быть уменьшены вплоть до нуля, но точности расчетов препятствует неопределенность с коэффициентом эффективности ПРО.

На **современном** этапе (после 2007 г.) заметен технологический подъем КНР, выраженный в завершении долгосрочных проектов МБР и БРПЛ/ПЛАРБ. В американских исследованиях ставится вопрос о сохранении парадигмы минимального сдерживания и об отходе от принципа «неприменения первыми». Эта возможность заложена

и в некоторых текстах по китайской военной стратегии⁴¹, хотя в официальных документах подчеркивается оборонительный характер китайского арсенала. Тревогу США вызывает возможность резкой смены подхода непосредственно в ходе кризиса, а ее признание обеими сторонами в мирное время означало бы закрепление перехода КНР в близкие к равноправным условия стратегической стабильности с США.

На современном этапе США начинают обновление ядерной триады. В течение нескольких десятилетий предполагается создание ПЛАРБ класса «Колумбия», бомбардировщика В-21, новых МБР шахтного базирования и ядерных крылатых ракет большой дальности, реновация имеющихся бомбардировщиков и БРПЛ. Предполагаемый объем затрат в 2015–2024 гг. составит от 348 млрд долл.⁴² По условиям Договора СНВ-3, к 2021 г. на вооружении у США должно быть не более 1550 развернутых БЗ, устаревленных на 700 развернутых стратегических носителей (и 100 неразвернутых)⁴³. На осень 2016 г., развернутые ЯС США составляли 681 носитель: 416 МБР «Минитмен-III» шахтного базирования, 209 БРПЛ «Трайдент-II», 56 бомбардировщиков (10 В-2А и 46 В-52Н)⁴⁴. Превосходство США по-прежнему предполагает запас боезарядов, необходимых для неоднократного «покрытия» всего арсенала КНР, но скептицизм о возможности нанесения разоружающего удара в реальных условиях нарастает. По оценкам РЭНД, его вероятность не превышает 80% при низкой степени боеготовности китайских сил⁴⁵, но в реальных условиях возможно сохранение до 15–27 МБР.

Влияние развития ПРО США на потенциал ответного удара КНР только изучается. В зависимости от реальных показателей вероятности поражения (probability of kill) противоракет американской наземной системы ПРО на срединном участке полета (Ground-based Midcourse Defense, GMD), которые рассматриваются в диапазоне от 0,9 до 0,4⁴⁶, они могли бы как нейтрализовать 100% китайских боезарядов, так и допустить попадание части из них в цель (в 2017 г. соотношение может составить 44 перехватчика и 15–27 уцелевших ракет). Помимо GMD, США развивают возможность по перехвату на конечном участке системами «Иджис», но проверяемые данные об эффективности также отсутствуют. Таким образом, система ПРО GMD, теоретически, может нейтрализовать ответный удар, но вряд ли готова перехватить 100% МБР в случае массированного удара со стороны КНР. По данным РЭНД, ее эффективность снижается при тактике «волновых» атак⁴⁷, что может быть учтено в китайских расчетах.

КНР занимает важное место в Обзоре ядерной политики США. По оценкам, к 2016 г. на ее вооружении было до 75–100 МБР⁴⁸ и около 50 БРПЛ. С 2016–2017 г. начинается патрулирование ПЛАРБ 094 «Цзинь», оснащенных БРПЛ «Цзюйлан-2» с дальностью до 7400 км. В 2015 г. КНР представила БРСД «Дунфэн-26» (дальность 4000 км) с повышенной точностью. Ее ядерный вариант, по мнению Пентагона, будет означать получение возможности нанесения точечного ядерного удара. В июле 2017 г. КНР представила новую модификацию МБР «Дунфэн-31 АГ». На вооружении КНР также есть некоторое количество неядерных ракет малой дальности «Дунфэн-15», около 80 БРСД «Дунфэн-21».

На фоне развития американской ПРО в Китае активизировались работы по оснащению ракет РГЧ ИН. В 2014 г. была испытана модификация «Дунфэн-31В» с РГЧ первой баллистической ракетой с РГЧ ИН на дежурстве стала модификация «Дунфэн-5В», оснащенная шестью боезарядами. В начале 2017 г. КНР продемонстрировала успех по двум важным проектам — новой модели и новой модификации МБР с РГЧ ИН: мобильной «Дунфэн-41» дальностью до 14 тыс. км, и «Дунфэн-5С», несущих до 10 боевых блоков.

КНР развивает программу ПРО и противоспутникового оружия. С 2015 г. началось развертывание космического эшелона системы предупреждения о ракетном нападении — вывод на орбиту спутника с инфракрасной системой обнаружения ракетных

пусков. Достоверные параметры коэффициентов эффективности и масштабов развертывания ПРО КНР недоступны.

Массированный удар Китая по США, по-прежнему, невозможен в теоретической плоскости, поскольку равносильно самоубийству. По оценкам РЭНД, на 2017 г. теоретически максимальный процент уничтожения американского ЯО разоружающим ударом КНР составил бы 53% (реальный показатель существенно ниже). Наличие РГЧ ИН пока не настолько важно, так как первыми целями для «разоружающей» атаки должны стать порты базирования ПЛАРБ и базы бомбардировщиков, а увеличение ущерба арсенала «Минитмен-III» за счет РГЧ ИН составило бы лишь несколько десятков.

Формирование стратегической стабильности

В 2010 г. понятие стратегической стабильности (СС) между США и КНР фигурировало сразу в двух политических документах США — Обзоре по ПРО⁴⁹ и Обзоре ядерной политики⁵⁰. Упоминание о желании поддерживать СС с Китаем содержалось и в выходящем раз в четыре года Обзоре оборонной политики (2014 г.)⁵¹

Вопрос о формировании американо-китайской СС разрабатывается исследователями с конца 2000-х годов⁵². С 2015 г. к нему проявляют внимание китайские участники неформального диалога в стратегической сфере, что может указывать на интерес руководства обеих стран. Пока параметры СС между США и КНР не определены официально, эксперты отмечают ее фактическое наличие⁵³. В связи с этим целесообразно сделать некоторые уточнения.

В соответствии с суждением А.А. Кокошина, СС можно рассматривать как состояние, обеспечиваемое запасами устойчивости, компенсирующими влияние внешних и внутренних возмущающих факторов⁵⁴. Как отмечает А.Г. Савельев, существует два основных подхода к определению основ ядерной СС — стабильность взаимного гарантированного уничтожения и основанная на факторе ПРО⁵⁵. Наибольшая стабильность достигается при сопоставимости эффекта наступательных либо оборонительных вооружений обеих сторон. В понятие СС традиционно включают стабильность ненанесения первого удара, кризисную стабильность и стабильность гонки вооружений. В современных исследованиях отмечается, что СС теряет эффективность, если стороны декларируют готовность применить ЯО лишь в ответ на ядерный удар. Утрата сдерживания обычного конфликта⁵⁶ подрывает стабильность ненанесения первого удара, так как успех одной стороны может вынудить вторую запустить ядерное устройство от безысходности. Более стабильный вариант предполагает очерчивание «красных линий» в обычном конфликте, пересечение которых приведет к ограниченному ядерному удару. Как отмечает Э. Колби, тогда ЯО становится инструментом торга, где ядерная война не может произойти по причине роковой ошибки⁵⁷. Удар в ответ на пересечение «красной черты» должен одновременно сигнализировать решимость к эскалации и стремление к деэскалации. Важно, чтобы обе стороны обладали набором гибких и реалистичных опций первого и ответного удара, сохраняя уязвимость. Для формирования стратегического равновесия симметричное равенство не обязательно⁵⁸, а преимуществом располагает сторона с набором более гибких вариантов.

Основываясь на указанной теории, можно предположить, что в отношениях США и КНР уже есть элементы стабильности ненанесения первого удара, т.к. есть вероятность взаимного неприемлемого ущерба (ответный удар с обеих сторон). Кризисная стабильность и стабильность гонки вооружений размыты из-за двусмысленности с китайской стороны (принцип «неприменения ЯО первыми» не учитывает возможность ядерного удара как крайней меры) и нежелания США вступать в достаточно равноправные условия взаимной уязвимости.

Препятствие налаживанию кризисной стабильности заключено в разнице представлений об эффективности «экзистенциального сдерживания». Как указывает М. Фрейвел, КНР во многом рассчитывает на порождаемое неопределенностью усиление сдерживающего эффекта, достигаемое за счет опасений оппонента, что эскалация может выйти из-под контроля⁵⁹. Это позволяет компенсировать невысокие относительно США затраты на ЯО. В важном для НОАК труде «Наука о кампаниях Второй артиллерии», отражена возможность «предупреждающих мер» с донесением до общественности данных о приведении ЯС в боеготовность, что может побудить противника к деэскалации⁶⁰. Однако это может обернуться противоположным образом, и потому стабильности не способствует.

В свою очередь, стабильность гонки вооружений практически не урегулирована на договорной основе. Хотя США связаны договорным обязательством (СНВ-3), допустимый уровень в 1550 боезарядов все еще слишком велик для Китая, и его нельзя рассматривать как ограничение для развития ЯС КНР (а скорее даже наоборот). Между США и КНР не существует и договоренностей об ограничении развития систем ПРО. Учитывая, что стратегическое равновесие может существовать в отсутствие паритета, его возможность подрывается отказом США соответствовать критерию «взаимной уязвимости» (принцип защиты сил, союзников и партнеров США в Восточной Азии «от всех ракетных угроз в регионе»⁶¹) и развитием систем противоракетной обороны. Это, по неоднократным указаниям китайцев, снижает эффективность китайского сдерживания⁶² и, вероятно, толкает их к наращиванию ЯО. Кроме того, более комфортным положением для Китая было бы не балансирование на грани поддержания гарантированного ответа, а наличие «запаса прочности», или, как указывает А.А. Кокошин, «динамического диапазона»⁶³, который сгладит ядерную асимметрию.

Пекин рассматривает ЯО и как средство асимметричного противодействия ядерным угрозам. Его наращивание определяется не только мощью наступательных и оборонительных вооружений США, но и неядерными высокотехнологичными факторами — третьей «стратегией компенсации», концепцией быстрого глобального удара (БГУ) и др., развитие которых, во многом зеркально, направлено на компенсацию снижения роли ЯО в оборонной доктрине США. Такое положение дел способно подтолкнуть КНР к расширению потенциала ответного и ответно-встречного удара и даже применению ЯО первыми⁶⁴. Возможность ответно-встречного удара отрицалась китайскими участниками контактов полуофициальной дипломатии⁶⁵, но судить об этом, как об обязательстве, сложно.

Взаимная уязвимость между США и КНР подчеркивается китайскими⁶⁶ и американскими⁶⁷ специалистами, но руководство США не готово признать это официально. Понятие не упоминается в американских документах. Для США психологически сложно добровольно сковать свои действия в АТР и признать равноправие с государством, силы которого официально не вызывали серьезных опасений до последнего десятилетия. Отдельным, но весомым фактором является давление на Вашингтон союзников в АТР⁶⁸.

Выводы

Роль КНР в ядерном планировании США была значимой еще до вступления Китая в ядерный клуб и нарастала по мере развития его ЯС. Исходя из доступных данных и оценок модернизации параметров ЯС КНР, ко второй половине 2000-х годов был достигнут уровень, достаточный для реального ядерного сдерживания между США и КНР (иными словами, реализована цель, к которой КНР двигалась на протяжении всего развития своих ЯС). Сдерживание подкрепляется политикой стратегической неопределенности, но последняя становится мощным фактором обоснования ядерной и конвенциональной модернизации США. Формирующаяся система стратегической стабильности основа-

на на взаимной уязвимости в отсутствие ядерного паритета. В нем содержатся два уровня влияния: 1) угроза ракет КНР региональным базам и союзникам США; 2) взаимная прямая угроза США и КНР.

Укрепление китайских возможностей минимального ядерного сдерживания неизбежно и будет продолжаться по нарастающей в силу потребности создания военно-стратегического «динамического диапазона», диктуемой военной политикой США и союзников в регионе. Вероятно, со временем это приведет к выходу КНР на качественно новый этап развития ЯС и создаст техническую возможность для отхода от изначальной парадигмы «минимального» сдерживания в перспективе 20–30 лет, однако для этого КНР еще будет необходимо преодолеть технологическое отставание в морском компоненте триады. Данное наращивание может ограничиваться, в основном, китайскими представлениями о достаточности. Важными направлениями станут развитие ПРО и других технологий военного космоса. Выход на новый уровень ЯС, в свою очередь, создаст базу для более агрессивного проецирования или применения конвенциональных сил Китая.

Главный элемент стратегической стабильности в отношениях США и КНР — невыгодность нанесения первого удара — сформирован, но зыбки основы кризисной стабильности и стабильности гонки вооружений. Запланированное обновление американской триады, развитие систем ПРО и неядерных вооружений становятся факторами увеличения и модернизации ракетно-ядерного потенциала КНР.

1. *Colby E., Gerson M.*, eds. *Strategic Stability: Contending Interpretations*. Carlisle: Army War College Press, 2013. 441 p. P. 62.
2. *Eckstein M.* PACOM: U.S. Should Renegotiate INF Missile Treaty to Better Compete with China // U.S. Naval Intelligence News. April 27, 2017. URL: <https://news.usni.org/2017/04/27/pacom-u-s-should-renegotiate-inf-treaty-that-limits-conventional-mid-range-missiles>.
3. *Norris R., Kristensen H.* Global Nuclear Weapons Inventories, 1945–2010 // *Bulletin of Atomic Scientists*. July–August 2010. P. 77–83. P. 81.
4. *Kristensen H., et al.* Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington. Federation of American Scientists, 2006. P. 127. URL: <http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf>; *Merrill D., Paterson T.* Major Problems in American Foreign Relations. Vol. II. Since 1914. Belmont: Wadsworth, 2009. 624 p. P. 278.
5. *Gavin, F.J.* The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s // *The International History Review*. Vol. 23. No. 4 (Dec., 2001). P. 847–875. P. 863.
6. *Ball D., Richelson, J.*, eds. *Strategic Nuclear Targeting*. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 370 p. P. 62, 82.
7. *Kristensen H. et al.* Op. cit. P. 128.
8. *Zhu Yuhe, Cai Yuesu* (zhu bian). *Mao Ze Dong yu 20 shiji Zhongguo*: [Мао Цзэдун и Китай в XX веке]. Beijing: Qinghua Daxue Chubanshe, 2000. 264 с. С. 195.
9. 1955 nian 1 yue 15 ri Zhonggong Zhongyanyang Shujichu Kuoda Huiyi Zaitan: [Возвращаясь к вопросам расширенного заседания секретариата ЦК КПК от 15 января 1955 г.] 11.12.2015. URL: http://www.hprc.org.cn/gsyj/gfs/gfzcs/201512/t20151211_363848.html.
10. *Norris, Kristensen.* Op. cit. P. 82.
11. *The Military Balance*. Vol. 82. London/Melbourne: Arms and Armour Press, 1982. 141 p. P. 3.
12. U.S. Pacific Command CINCPAC Command History 1962, Volume I. April 30, 1963. URL: http://nautilus.org/wp-content/uploads/2012/01/c_sixtytwo.pdf.
13. *Norris Robert, et al.* Where They Were // *Bulletin of the Atomic Scientists*, November/December 1999, Vol. 55, No. 6. P. 25–36. P. 30.
14. *Kristensen H. et al.* Op. cit. P. 134.
15. *Ibid.* P. 133.
16. History of the Joint Strategic Target Planning Staff. SIOP-4 J/K, July 1971- June 1972 (Unclassified Title). p. 53. URL: http://www.dod.mil/pubs/foi/Reading_Room/NCB/982-1.pdf.

17. *Burr W.* To Have the Only Option that of Killing 80 Million People is the Height of Immorality. The Nixon Administration, the SIOP and the Search of Limited Nuclear Options, 1969–1974. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 173. Posted November 23, 2005. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/>; Memorandum for the Chief of Staff, U.S. Air Force. NSC/Joint Chiefs of Staff. Jan. 27. 1969. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-1.pdf>.
18. National Security Decision Memorandum (NSDM)-242. Jan. 17, 1974. URL: https://www.nixonlibrary.gov/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm_242.pdf.
19. *Kristensen H. et al.* Op. cit. P. 143–144.
20. Presidential Directive/ NSC-59. July 25, 1980. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf>.
21. Office of the Assistant Secretary of Defense. Washington D.C. Nuclear Targeting Policy Review. Memorandum. URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2011-002-doc1.pdf>.
22. Dongfeng Sihao Zhouji Dandao Fazhanshi: Laodang Yizhuang de Zhanlue Wuqi (4): [История разработки межконтинентальной баллистической ракеты «Дунфэн-4»: оружие, не стареющее душой (часть 4)]. China.com. 11.01.2010. URL: http://military.china.com/zh_cn/history4/62/20100111/15771069_3.html.
23. *The Military Balance*. Vol. 81. London: Arms and Armour Press, 1980. 119 p. P. 62.
24. *Erickson A. Chase M.* China's SSBN Forces: Transitioning to the Next Generation // China Brief, Vol. 9. Issue 12. June 12. 2009. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-ssbn-forces-transitioning-to-the-next-generation>.
25. *Norris, Kristensen.* Op. cit. P. 82.
26. *Spinardi G.* Why the U.S. Navy went for Hard-Target Counterforce in Trident II: (And Why It Didn't Get There Sooner) // *International Security*. Vol. 15. No. 2 (Fall, 1990). P. 147–190.
27. *Wolf A.* U.S. Strategic Nuclear Forces: Background, Developments, and Issues. Congressional Research Service. September 27, 2016. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/RL33640.pdf>.
28. U.S. Department of Defense. Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China. 2000.
29. *Kangas J. et al.* U.S. Nuclear Weapons Policy Toward China 1985–1995. 10 February 1981. URL: <http://nautilus.org/foia-document/us-nuclear-weapons-policy-towards-china-1985-1995/>
30. The Nautilus Institute Nuclear Strategy Project: Sun City Extended Study. Nuclear Strategy. December 31, 2001. URL: <http://nautilus.org/projects/nuclear-strategy/the-nautilus-institute-nuclear-strategy-project-sun-city-extended-study/>
31. PPD/ NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy Guidance. November 1997. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd60.htm>.
32. *Kristensen H.* Nukes in Taiwan Crisis. May 13, 2008. URL: <https://fas.org/blogs/security/2008/05/nukes-in-the-taiwan-crisis/>
33. *Ibidem.*
34. *Arkin W., Kristensen H.* The Post Cold War SIOP and Nuclear Warfare Planning. A Glossary, Abbreviations and Acronyms. URL: <http://www.nukestrat.com/pubs/SIOP%20Glossary%201999.pdf>.
35. Excerpts of Classified Nuclear Posture Review // Information Centre on Militarization. 08.01.2002. URL: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf.
36. *Snyder C.* US Plan for Defending Taiwan Disclosed // Taipei Times. June 5, 2006. URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2006/06/05/2003311784>.
37. *Kristensen H., Norris R.* Chinese Nuclear Forces, 2016 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 72. No. 4. P. 205–211. P. 210.
38. *Norris, Kristensen.* Op. cit. P. 81.
39. U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China. 2007.
40. *Heginbotham E. et al.* The U.S.-China military scorecard: forces, geography, and the evolving balance of power, 1996–2017 / RAND Corporation. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2015. P. 301. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR392/RAND_RR392.pdf.
41. *Kulacki G.* The risk of nuclear war with China: A troubling lack of urgency. 2016. URL: <http://www.ucusa.org/sites/default/files/attach/2016/05/Nuclear-War-with-China.pdf>.

42. Congressional Budget Office. Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2015 to 2014. January 2015. URL: <https://www.cbo.gov/sites/default/files/114th-congress-2015-2016/reports/49870-nuclearforces.pdf>.
43. Treaty between the United States of America and the Russian Federation on Measures for Further reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms. Prague. April 8, 2010. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/140035.pdf>.
44. U.S. Department of State. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. Fact Sheet. January 1, 2017. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/266597.pdf>.
45. *Heginbotham E. et al.*, Op. cit. P. 303.
46. Ibid. P. 302–304.
47. Ibid. P. 305.
48. US Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2016.
49. U.S. Department of Defense. Ballistic Missile Defense Review Report. 2010.
50. U.S. Department of Defense. Nuclear Posture Review Report. 2010.
51. U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. 2014. P. 14.
52. *Futter A., Zala B.* Coordinating the arm swing with the pivot: nuclear deterrence, stability and US strategy in the Asia-Pacific // *The Pacific Review*. 04.03.2015. Vol. 28. No. 3. P. 367–390.
53. *Li Bin, Tong Zhao* (eds.). Understanding Chinese Nuclear Thinking. Carnegie Endowment for International Peace. 2016. Massachusetts. 273 p. P. 126–142.
54. *Коккошин А.А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем. Теоретические и прикладные вопросы/ предисл. В.П. Володина, С.К. Ознобищева, В.Я. Потапова. М.: КРАСАНД, 2009. 208 с. С. 59–60.
55. *Савельев А.Г.* Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. Т. 7. № 3. С. 57–84.
56. *Colby E., Gerson M.* Op. cit. P. 53.
57. Ibid. P. 62.
58. *Коккошин А.А.* Обеспечение... С. 61.
59. *Fravel M., Cunningham F.* Assuring Assured Retaliation // *International Security*. Vol. 40. No. 2 (Fall 2015). P. 7–50. P. 31.
60. *Kulacki G.* An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue = The science of Second Artillery operations]. URL: <http://www.ucsus.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf>.
61. *Fravel, Cunningham.* Op. cit.
62. Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html.
63. *Коккошин А.А.* В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: ИМО, 1989.
64. *Kulacki G.* An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue =The science of Second Artillery operations. URL: <http://www.ucsus.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf>.
65. *Коккошин А.А.* 1989.
66. *Twomey C.* U.S.-China Strategic Dialogue. Phase IX Report. URL: <http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/51930/US-China%20Report%20Phase%20IX%20Report.pdf?sequence=1>.
67. *Gompert D., Saunders P.* Sino-American Restrain in an Age of Vulnerability. URL: <http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-273.pdf>.
68. *Futter A., Zala B.* Op. cit.